

УДК 94(438).081:94(430).086: 94(47).084
DOI 10.17223/19988613/44/10

С.В. Морозов

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР (1933–1935 гг.)

Рассматривается тайное военно-политическое сотрудничество Польши и Германии против СССР в течение 1933–1935 гг. Неофициальный диктатор Польши Юзеф Пилсудский, стремясь к восстановлению Великой Польши, вопреки решениям Локарнской конференции и проекту «пакта четырех» заставил Гитлера включить Польшу в планы последнего завоевания «жизненно-го пространства» на Востоке. С одной стороны, началась реализация так называемого польско-германского «воздушного пакта», который курировал Геринг, а с другой – осуществлялось тесное взаимодействие Главного штаба Войска Польского и Генерального штаба рейхсвера под главенством генералов Фабрыцы и Райхенау. Процесс польско-германского военно-политического сотрудничества координировался лично Пилсудским.

Ключевые слова: Польша; Германия; СССР; Пилсудский; превентивная война; военно-политическое сотрудничество; воздушный пакт.

Фраза «Соседство может ко многому обязывать» вполне применима к отношениям между Польшей и Германией. С периода Средневековья польскому народу пришлось на себе ощутить сполна мощь и натиск германского «Дранг нах остен», одним из результатов которого стало создание Восточной Пруссии и потеря в начале XIV в. Гданьска¹. До XVIII в. это были отношения непрекращавшегося военно-политического противостояния. Одним из эпизодов стала знаменитая Грюнвальдская битва 1410 г., в которой, наряду с польскими и литовскими, принимали участие татарская конница, белорусские, украинские, смоленские, стародубские хоругви², подорвавшая мощь Тевтонского ордена и способствовавшая будущему восхождению Речи Посполитой. После трех разделов Польши Пруссия, ставшая одним из государств-разделителей, надолго превратила восприятие образа немца как врага.

Нахождение в течение длительного времени в составе трех различных государств наложило отпечаток на исторические судьбы поляков. В Первой мировой войне польские воинские подразделения воевали как в рядах Антанты, так и на стороне Тройственного союза. После возрождения польского государства в ноябре 1918 г. на первый план выдвинулась фигура Юзефа Пилсудского, 50-летнего патриота, прошедшего суровую школу революционера-подпольщика и возглавлявшего так называемые *польские легионы* в составе австро-венгерской армии³. В отличие от прочих польских политиков он располагал несоизмеримо большим авторитетом и важным преимуществом в виде незримого орудия власти – Польской военной организацией, выполнявшей роль его личной разведки и контрразведки. Осенью 1918 г. она была переформирована во II отдел Генерального штаба Войска Польского, в просторечии «двойку», агентами которой были нацелены все слои польского общества.

В 1922 г. маршал Пилсудский формально отошел от власти, но продолжал внимательно следить за событиями. Особое внимание он обращал на международную

арену с точки зрения возможных будущих перспектив воплощения его так называемых федералистских планов, в основе которых лежало возрождение «Великой Польши», т.е. в границах 1772 г. В соответствии с этими планами на ее восточных границах должна была появиться федерация в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Венгрии, Румынии, Армении и Грузии, составивших бы военно-политический союз, проект которого в исторической литературе зачастую называли «интермариумом», или «междуморьем». Одновременно в результате проведения особой политики, носившей название «прометеизм»⁴, предполагалось отделение от Советской России Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, а России предстояло «откатиться» за Урал [1. С. 139–158].

До 1925 г. международная обстановка была не слишком благосклонна исполнению этих планов, тем паче, что Раппальские соглашения 1922 г. вывели «восточного соседа» Польши из изоляции и способствовали его политическому и экономическому сближению с «западным». Однако уже через пару лет Берлину помогли посредством «плана Дауэса» международные «денежные тузы», которые добились от него (в качестве платы за это) подписания в 1925 г. Локарнских договоров и соглашений [2. С. 324]. В результате Берлин стал участником так называемого Рейнского пакта и была создана Версальско-Локарнская система, включавшая в себя *правовой механизм*, позволявший Германии при наличии политической воли начать движение на Восток, т.е. на Советский Союз.

Варшаву, в отличие от Берлина, не включили в Рейнский пакт, а предложили подписать с ним, среди прочего, арбитражный договор, по которому, в соответствии с 19-й статьей Устава Лиги наций, она была обязана участвовать в правовых мероприятиях, в том числе по изменению своей территории. Другими словами, ей предстояло готовиться к началу ревизии границ с Германией. 3 марта 1926 г. этот арбитражный договор был ратифицирован сеймом, а через три дня

подписан президентом Станиславом Войцеховским, после чего вступил в силу [3. С. 302–309]. Разочарованный глупостью и продажностью многих представителей государственных структур и не дожидаясь передачи этого арбитражного договора на регистрацию в секретариат Лиги наций, после чего документ стал бы частью международно-правового механизма, маршал Пилсудский произвел 10–15 мая государственный переворот, что позволило ему расставить на ключевые должности в государстве верных ему людей. Как и прежде, он не занимал ответственных государственных постов, однако получил возможность выстраивать внешнеполитический курс Польши *единолично*⁵. К тому моменту, когда в сентябре 1926 г. договор был передан в секретариат Лиги наций, новый, по-прежнему неформальный статус маршала позволял ему, используя своих людей и влияние, *вести собственную игру от имени Польши на международной арене*, противодействуя тем или иным усилиям ревизовать польские границы в пользу Германии.

Добровольно уступать часть польской территории, тем более Берлину, пусть и по воле западных держав, было несовместимо с польскими традициями и идеей создания Великой Польши. В течение нескольких лет польский вождь занимал выжидательную позицию, внимательно следя за событиями на международной арене и высматривая благоприятный момент. Почуввав приближение такового, он в ноябре 1932 г. поставил главой МИД своего давнего младшего соратника по легионам Юзефа Бека. Через месяц Франция, польский союзник, подписала так называемую «декларацию пяти держав», признававшую, среди прочего, право Германии на равенство в вооружениях. Вскоре стало известно, что Париж отказался возвращать военные долги Америке, и маршал, растолковав это как закулисный сговор, представляющий угрозу польским интересам, немедленно собрал закрытое совещание Совета министров и приближенных генералов, на котором было принято решение о негласной переориентации польской внешней политики с Франции на Германию [4. С. 173].

Кроме германофильства у маршала имелись другие весомые причины для своего выбора: во-первых, документы Локарно указывали на то, что Германии предстояло начать движение на восток, а во-вторых, у Польши на тот момент имелось трехкратное превосходство в военной силе. По условиям Версальского договора Веймарской республике позволялось иметь 100 тысяч солдат, а в рядах Войска Польского их насчитывалось более 300 тысяч [5. С. 128]. В случае несогласия Берлина рассматривать Варшаву в качестве союзника это обстоятельство можно было задействовать в качестве дополнительного аргумента. В Веймарской республике к подобному варианту развития событий относились весьма серьезно, ибо единственный мобилизационный план был заготовлен именно на польском направлении [6. С. 13].

Для начала германскому руководству было предложено заключить пакт о ненападении [7. Л. 13]. Однако Берлин, будучи включенным в Рейнский пакт, находился на более высокой ступени в иерархии международных отношений, и ему было не с руки предпринимать такой шаг в преддверии стоявшей на повестке дня ревизии польских границ *мирным путем*. Тогда маршал решил задействовать имевшееся на тот момент преимущество в силе, избрав хитроумную тактику угрозы *превентивной войны* в отношении Германии. Одновременно он демонстративно предлагал Парижу присоединиться к этому предполагаемому мероприятию. В течение января – апреля 1933 г. он обращался через сенатора Е. Потоцкого, а затем неоднократно посредством дипломатов к французским властям, но неизменно получал отказ [2. С. 471–472; 8. 11.01.1933; 9. Р. 451–453]. По мнению журналистки Ж. Табуи, эти предложения имели целью вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать для политического сближения Польши с Германией [4. С. 176].

К тому моменту к власти в Германии пришли национал-социалисты во главе с А. Гитлером, стратегическая программа которого предполагала завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Соответственно не следовало удивляться обнародованию 18 марта 1933 г. проекта создания так называемого «пакта четырех» держав в составе Великобритании, Франции, Италии и Германии, наделенного широкими полномочиями, в том числе ревизовать международные договоры и выступать в качестве некоего верховного арбитра в международных отношениях. Длительность действия договора устанавливалась в 10 лет, и он подлежал регистрации в секретариате Лиги наций [10. С. 57; 11. С. 10–11]. Берлин, вступив в этот клуб и тем самым еще более подняв свой статус, получал формальное право на рассмотрение вопроса об установлении нового, более престижного положения своих границ. Интересы Польши были вновь, как и во время Локарно, проигнорированы, более того, ее границы были поставлены под угрозу ревизии.

Используя глубокую озабоченность Советского Союза угрозой миру со стороны проекта «пакта четырех», маршал решил задействовать этот фактор в своих целях. 28 марта министр Бек передал английскому послу заявление о том, что лишенная возможности судить точно о проекте данного «пакта», так как текст ей не сообщен, Польша «считает этот проект противоречащим духу и букве пакта Лиги Наций» и оставляет за собой свободу действий». О границах трактовки этой свободы можно было судить из интервью польского вождя, данного 23 мая 1926 г. французской газете «Матэн», в котором он прямо заявил, что ради блага Польши готов на любые действия: «Если и могут быть какие-то колебания в выборе средств, когда хочется остаться в рамках легальности, то их нет там, где цель – спасение Польши» [12. С. 347]. С этой целью был предпринят очередной блеф. С одной стороны,

была создана видимость существования некоего тайного польско-советского антигитлеровского пакта, с другой – Главному штабу Войска Польского было дано указание разработать план войны против Германии, а в начале апреля в Польше была проведена учебная мобилизация [7. Л. 10; 12. С. 223, 484; 13. S. 55; 14. С. 347].

Блеф угрозы проведения *превентивной войны* в совокупности с блефом польско-советского тандема произвели настолько глубокое впечатление на Гитлера⁶, что через вице-канцлера фон Папена было публично заявлено об агрессивных замыслах Польши, однако официальная «Газета Польска» публично опровергла подобные намерения, напомнив о предложенном пакте о ненападении. Выдержав некоторую паузу, маршал сделал решительный шаг. 1 мая он в присутствии Бека принял советского полпреда В.А. Антонова-Овсеевко, с которым, однако, политические темы в разговоре не затрагивались, а 2 мая польский посланник А. Высоцкий поставил в ультимативной форме перед Гитлером вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве Бек в отношении германского посланника Г. Мольтке. Гитлеру не оставалось ничего, как ответить о готовности поддерживать и развивать отношения на «основе существующих договоров», что подтверждало соблюдение территориального статус-кво. Получив от германского канцлера желаемое, Пилсудский приказал передислоцировать войска с прусских границ к Вильно для проведения большого военного смотра. По мнению Антонова-Овсеевко, «Демаршем 2 мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом, вступила на путь непосредственных переговоров с Германией» [7. Л. 13–14; 13. S. 55]. Таким образом, польский вождь, шантажируя фюрера угрозой «превентивной войны» и блефом польско-советского антигитлеровского пакта, предугадав уготованную версальско-локарнскими стратегами для Германии роль антисоветского тарана, вынудил того учитывать в этой сомнительной миссии и Польшу.

Напрямую польское руководство не могло заявить, что эта перспектива ему по сердцу, поэтому оно предприняло очередной хитрый ход. Сначала «Газета Польска» перепечатала передовицу из «Правды», ставившую вопрос о возможном партнерстве. Отметив в комментарии к ней, что Польша в своем выборе полностью самостоятельна, был предпринят второй шаг. Вскоре экс-глава МИД князь Э. Сапега, представитель близкой к пилсудчикам политической группировки земельных магнатов, тесно связанный с персонами, определявшими польскую внешнеполитическую линию, сделал доклад. В нем была, по сути, изложена программа превращения Польши в «великую державу путем колониального освоения территорий и природных богатств Советского Союза». В реализации такой программы любезно приглашали принять участие Европу, после чего докладчик резюмировал: «Реальной нашей зада-

чей должно быть договориться с нашим западным соседом» [15. С. 122].

Реакция Германии не заставила себя долго ждать. Глава МИД К. фон Нейрат во время сессии Совета и Ассамблеи Лиги наций передал предложение польскому коллеге Ю. Беку встретиться. Пилсудский и его единомышленники, которых принято называть пилсудчиками, могли ликовать. 25 сентября 1933 г. Бек встретился с Нейратом, а 26 сентября – с министром пропаганды Й. Геббельсом. Во время бесед выяснилось обоюдное стремление к дальнейшему сближению, которое должно было носить исключительно двусторонний характер. Не допускалось какое-либо привлечение к нему третьих стран или международных организаций. Хотя при первом свидании глав «санационного» и нацистского внешнеполитических ведомств вопрос о координации совместной деятельности на восточном направлении не был затронут, «заинтересованные правительства уже тогда рассматривали польско-германское сближение в ракурсе их планов в отношении СССР» [Там же. С. 130].

Пришла осень 1933 г., и польско-германское сближение вошло в русло своего осуществления: Берлин покинул посланник А. Высоцкий, а на его место вскоре был назначен начальник Западного отдела варшавского МИД Ю. Липский. Переговоры велись в глубокой тайне. Для многих профессиональных дипломатов и наблюдателей как гром среди ясного неба прозвучало известие о подписании 26 января 1934 г. Нейратом и Липским так называемой «Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы». В её преамбуле отсутствовала общепринятая в дипломатических документах такого рода констатация незыблемости существующих границ, а также ссылка на действующие договоры, что было несколько необычно. Этот документ предписывал обоим правительствам «непосредственно договариваться по всем вопросам, касающимся их обоюдных отношений, какого бы рода они ни были». Такое положение, а также отсутствие пункта о расторжении декларации в случае вовлечения одной из сторон в конфликт с третьей стороной дали повод некоторым наблюдателям, например бывшему польскому дипломату Эльмеру, утверждать, что пакт «Липский – Нейрат» является ничем иным, как завуалированным союзом [16].

В декларации действительно имели место некие моменты, наводившие на размышления. Например, в случае возникновения спорного вопроса, когда непосредственные переговоры не привели бы к его разрешению, оба правительства «в каждом отдельном случае на основании обоюдного согласия будут искать решения другими мирными средствами, не исключая возможности в случае необходимости применять методы, предусмотренные для такого случая в *других соглашениях, действующих между ними*» (курсив мой. – С.М.). [17. С. 69–70].

В связи с этим сразу же после заключения декларации от 26 января начали курсировать многочисленные догадки и слухи о существовании дополнительных секретных приложений и статей к ней, которые, однако, не были подкреплены доказательствами. В частности, этот слух озвучил как бы в шутку, но не опроверг сам министр Бек во время своего московского визита в середине февраля 1934 г. Во время неофициальной части предложения наркома М.М. Литвинова присоединиться Польше к платформе миролюбивых стран польский министр оставил без внимания [18. С. 133–134].

Предложение главы НКВД было связано с тем, что, учитывая возрастающую угрозу войны, к этому моменту на международной арене начала набирать силу советско-французская инициатива создания системы коллективной безопасности, получившая вскоре название Восточный пакт. Во Франции его наиболее горячим и последовательным сторонником стал новый министр иностранных дел Луи Барту, которому после ледяного душа, устроенного ему в апреле 1934 г. Пилсудским и главой МИД Бекком в Варшаве, удалось сплотить вокруг этой инициативы представителей Малой Антанты – чехословацкого и румынского глав МИД – Э. Бенеша и Н. Титулеску. В июле Советский Союз вступил в Лигу наций и установил дипломатические отношения с ЧСР и Румынией. Однако, когда в Марсель 9 октября 1934 г. прибыл Александр Карагеоргиевич, король третьей участницы Малой Антанты Югославии, и он, и Барту были убиты [10. С. 165–224].

Общественность и многие представители государственных структур были потрясены. Официальные же круги Берлина и Варшавы произвели публичный жест, который, среди прочего, продемонстрировал, что эпоха Барту приказала долго жить. В конце октября – начале ноября 1934 г. германское и польское дипломатические представительства были возведены в ранг посольств [19. S. 146; 15. С. 230]. Гитлеровцы лихорадочно готовились к войне. 26 октября 1934 г. посол США У. Додд записал: «Ко мне в посольство приходил наш военный атташе полковник Уэст, который часто обзвевает территорию Германии с самолета, и рассказал о проводимых немцами военных приготовлениях. Он десять дней ездил по стране и теперь взволнован: “Война неизбежна, к ней готовятся повсюду”» [20. С. 244].

Однако Берлин не имел собственных источников нефти и транспортных средств для ее перевозки, из-за чего война была попросту невозможна. Консул США в Гамбурге Эрхардт доложил послу Додду о плане рейхсминистерства экономики, представленному в июле 1934 г. международным концернам («Стандард ойл», «Шелл», «Англо-першн»), по которому в Германию предполагалось ввезти 1 млн т нефтепродуктов в кредит на сумму около 250 млн долларов. Американский дипломат объяснил создание этого «национального резерва» – «на крайний случай или, говоря другими словами, на случай войны» [21. P. 323–325]. Поставку

нефти предполагалось осуществить в течение 4 месяцев после оплаты. Последняя стала возможна после 1 ноября 1934 г., когда в Берлине было подписано англо-германское соглашение, предоставившее Германии не-обходимые финансовые средства [22. С. 29]. Вскоре стало известно о том, что глава англо-голландской нефтяной компании «Ройял датч шелл» сэр Генри Детердинг намеревается приехать и повидаться с Гитлером. Гитлеровцы в этот период закупали вооружение и существенно активизировали подготовку к войне. 19 сентября Додд сообщал о крупных закупках третьим рейхом авиатехники в США, а 19 октября – о переговорах в Берлине представителей крупнейшего английского военно-промышленного концерна «Армстронг-Виккерс» о продаже Германии военного сырья [20. С. 251, 226, 238].

К середине февраля 1935 г. информированные наблюдатели до такой степени были уверены в том, что Гитлер с Пилсудским готовят войну против Советского Союза, что напрямую говорили об этом польским дипломатам. В частности, эту возможность не упустила 16 февраля 1935 г. известная журналистка Ж. Табуи при встрече с пресс-атташе польского посольства в Париже А. Узнанским. По мнению польского дипломата, ее оценки характеризовались необыкновенной откровенностью. Табуи подчеркнула, что после январской декларации 1934 г. широкие слои общественности, а также компетентные французские политические круги полностью перестали считаться с возможностью существенного улучшения взаимоотношений Франции с Польшей. В качестве одной из причин этих изменений очаровательная парижанка назвала некое тайное польско-германское соглашение, которое якобы было заключено в дополнение к декларации 26 января 1934 г., а также противодействие со стороны санационного МИД «во всех сферах французской политики». В качестве доказательства она привела неудачный исход по вине поляков миссии генерала Дебеньи, посредством которой предполагалось расширить польско-французский альянс, а также тайную германскую военную миссию, которая якобы действовала в Польше. Французская журналистка также упоминала о слухах, курсировавших во французском правительстве, о возможном совместном польско-германском нападении на СССР [23. К. 81–85].

Во второй половине марта по приглашению Гимmlера Берлин посетил директор Политического департамента польского МВД Х. Кавецкий, подписавший договор о сотрудничестве польских и германских служб безопасности, в том числе в сфере борьбы с коммунистическим движением [19. S. 248].

Нацисты и пилсудчики активно обрабатывали общественное мнение своих стран. Польская цензура не щадила статьи, критически освещавшие Гитлера и Германию: в конце марта – начале апреля 1935 г. был конфискован тираж газеты «Полония» за то, что там содержалось обвинение Гитлера в желании отторгнуть

от Польши Данцигский коридор⁷ [24. 6.04.1935]. Нацистская пропаганда приучала немцев к мысли, что польско-германское боевое содружество – это вполне приемлемая и взаимовыгодная вещь, если оно будет реализовано на советской территории. «Фелькишер беобахтер» откровенничала: «Лишь немногие политики в Польше понимают в настоящее время, что Германия имеет на востоке интересы, которые ни в какой мере не должны быть направлены против польских интересов. Вовсе не нужно, чтобы силы Германии и Польши были противоположны друг другу в обширном восточном пространстве; они вполне могут быть согласованы» [Там же. 15.02.1935].

Похоже, что приближался час взаимодействия между военными. 7 апреля 1935 г. газета «Эко де Пари» воспроизвела сообщение базельской «Националь цайтунг» о том, что в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии отправились 25 офицеров рейхсвера [Там же. 8.04.1935].

В рамках усиления военной стороны сотрудничества Берлина и Варшавы следует рассматривать тонкую игру по созданию польско-германского «воздушного пакта», которую в феврале – апреле 1935 г. затеял с пилсудчиками Гитлер. Растолковав по своему усмотрению лондонское соглашение от 1 февраля 1935 г.⁸, фюрер на обеде, проходившем 12 февраля у папского нунция Цезаря Орсениго, предложил германскому послу Ю. Липскому присоединиться к «воздушному пакту» [19. S. 162; 25. S. 234]. В Варшаве эта идея вызвала неподдельный интерес, после чего 21 февраля последний передал Нейрату «высокую оценку» Бека относительно «искреннего предложения канцлера рейха» и заверил в исключительно адекватном отношении Польши к Германии по этому вопросу [19. S. 165; 25. S. 483].

25 апреля 1935 г. проект создания польско-германского «воздушного пакта» взял под свое крыло командующий «люфтваффе» Г. Геринг, который пригласил Липского в свою охотничью резиденцию Шорфхейде. «Железный» Герман решительно заявил собеседнику, что фюрер поручил ему осуществление специальной опеки над польско-германскими отношениями. Заметив обеспокоенность гостя, хозяин терпеливо разъяснил, что дело вовсе не в недоверии Гитлера к Нейрату, а в том, что чиновники германского МИД «не слишком корректно проводят линию канцлера в отношении Польши». Он подчеркнул, что эта линия «продиктована отнюдь не тактическими соображениями, а следует из очень глубокой трактовки этой проблемы. На этом направлении канцлер не допустит каких-либо вывертов». Геринг напомнил об «опасности, грозящей Польше и Германии со стороны СССР», в связи с которой проблема «коридора» в польско-германских отношениях сходит на нет. В заключение собеседники пришли к выводу, что данный этап двусторонних отношений предполагает его обсуждение между Гитлером и Беком, а факт визита польского ми-

нистра в Берлин следует предать широкой огласке [19. S. 185–186; 25. S. 505]. Выбору фигуры Геринга для ведения «воздушного диалога» с Варшавой не следовало удивляться, так как к тому моменту он не только неоднократно приезжал в Польшу поохотиться с влиятельными персонами в польской политике, но и встречался с Пилсудским «с глазу на глаз» [26. С. 310, 396].

На первый взгляд утверждение о подготовке войны Гитлером и Пилсудским против Советского Союза в данный период может показаться нелепостью. Ведь ни Берлин, ни Варшава к долгосрочному конфликту были не готовы, однако и у Москвы тогда еще индустриально-промышленный комплекс за Уралом только начал создаваться, шла вторая пятилетка. Внести ясность в данный вопрос мог бы комплекс каких-либо новых первоисточников. Таковым стал «личный архив И.В. Сталина», сосредоточивший наиболее важные донесения советской разведки высшему политическому руководству страны, часть которых проливает свет на военно-политический аспект польско-германского сотрудничества антисоветской направленности в течение лета 1934 г. – весны 1935 г. В этих донесениях в подготовке агрессии против СССР наряду с Польшей и Германией фигурирует третий участник – Япония, однако в данной статье будет сосредоточено внимание на первых двух.

С июня 1934 г. в распоряжение высшего политического руководства страны стала поступать информация из иностранного отдела ОГПУ от агента из ближнего окружения маршала Пилсудского. Личность агента на настоящий момент доподлинно неизвестна, но информация, поступавшая от него вплоть до весны 1935 г., носила настолько серьезный и тревожный характер, что на первом донесении генсек И.В. Сталин своей рукой сделал пометку «Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Куйбышеву. Советую прочесть, чтобы потом обсудить с участием НКВД», а рядом их подписи, свидетельствующие об ознакомлении [27. Л. 28].

В обширнейшем донесении источник сообщал, что на европейской международной арене действуют влиятельные военно-политические и финансово-политические группировки, координирующие деятельность потенциальных агрессоров – Германии, Японии и Польши. Во Франции – это группировка «Тардые – Вейган», а в Англии – «Норман – Хейлшем»⁹. Первый тандем планировал явочным путем прийти к власти, отказаться от политики сближения с СССР и заключить пакт с Германией. Второй могущественный дуэт координировал из Лондона процесс франко-германо-польского сближения и кампанию натравливания Японии на советский Дальний Восток.

Наиболее подробно, называя фамилии офицеров Главного штаба¹⁰, агент описывал деятельность Ю. Пилсудского и его приближенных на ниве военного сближения с Германией. Будучи старым конспиратором, польский вожь не доверял никому и действовал грамотно. Поставив во главе секретной польско-

германской комиссии генерала К. Фабрыцы, он, являясь по существу главным координатором процесса, поручил проводить процесс сближения с Францией и Японией начальнику Главного штаба Войска Польского Я. Гонсиоровскому. На тот момент на германском направлении дело уже дошло до обсуждения вопросов «унификации вооружения обеих армий и о базировании вооружения польской армии не на французской военной промышленности, а на германской»¹¹.

На дипломатическом уровне контакты с представителем Гитлера и группировкой «Норман – Хейлшем» были доверены начальнику Восточного отдела МИД Т. Шетцелю, который даже специально для этого ездил в Лондон. Тайные деятели Туманного Альбиона тоже не дремали и для скорейшего натравливания Японии на СССР назначили послом в Токио «ярого советофоба Р. Клайва»¹². Одной из основных общих задач польской и германской дипломатии на текущий год была поставлена деятельность по срыву франко-советской инициативы, направленной на создание системы коллективной безопасности, то есть Восточного пакта. Для этого был разработан целый ряд различных мер, в частности: «Польша и Германия будут действовать так, чтобы ни в коем случае не допустить до военного союза между СССР с одной стороны – Францией и Малой Антантой, с другой стороны».

В середине июня в Варшаву приезжал министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс, который произвел на окружение Пилсудского большое впечатление, а от маршала удостоился специфического комплимента: «Сопливый, но умный». Это могло значить то, что колченогий визитер ему понравился. Еще бы, ведь гитлеровский министр подтвердил, что «Германия целиком разделяет точку зрения Пилсудского в русском вопросе, т.е. готова проводить политику дробления России». В заключение источник делал вывод, что, «по его мнению, возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась так реалистично, как в настоящее время» [27. Л. 29–44].

Сентябрьское донесение свидетельствовало, что 27 июля между Пилсудским и Гитлером было заключено «джентельменское соглашение». Его первый пункт обязывал Польшу и Германию «не примыкать к Восточному пакту без предварительного взаимного согласования этого вопроса». В случае же заключения Восточного пакта без участия в нем Польши и Германии они принимали на себя обязательство заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества Берлин и Варшава должны были заключить с Токио военно-оборонительные союзы. Четвертый пункт соглашения считал необходимым «вовлечь в сферу своего влияния Венгрию, Румынию, Латвию, Эстонию и Финляндию». 10 августа польское и германское правительства устно заверили японских посланников в

Варшаве и Берлине в том, что Польша и Германия не подпишут Восточного пакта.

Продолжалась строго законспирированная работа военных комиссий: польской – во главе с генералом К. Фабрыцы и германской – во главе с генералом В. Райхенау¹³. Польская работала в Берлине, германская – в Варшаве. Причем члены германской комиссии проживали в частном порядке на квартирах у офицеров польского Главного штаба. Так, например, Райхенау в начале августа прожил три дня на квартире у Фабрыцы. Имело место и взаимное изучение мощностей военной промышленности обеих стран, пересмотр военного плана с ориентировкой на германскую военную промышленность и на унификацию польского и германского вооружений [Там же. Л. 80–95].

В октябрьском донесении источник бесстрастно информировал: «Польша верит в твердое положение Гитлера; она также уверена, что Гитлер справится с трудностями внутреннего характера и добьется осуществления своих планов в отношении присоединения к Германии всех земель, населенных немцами (Австрия, часть Швейцарии и Чехословакии). Польша будет поддерживать Германию в вопросе аншлюса и ревизии трактатов. В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнений на Дальнем Востоке». Касательно Восточного пакта он сообщал, что Польша будет тянуть с ответом, желая как можно дольше скрыть свои истинные намерения [Там же. Л. 111–117].

В декабрьском донесении, среди прочего, содержалась весьма важная информация о том, что «англо-американские банки вскоре дадут Германии крупный заем, 100 млн зол. долларов, часть коего получит Польша», и что Бек на рождественские праздники выезжает к польскому посланнику в Копенгаген, где «будет иметь там совещание с представителями группировки Норман – Хейлшем и группы Тардые – Вейганд». «Гонсиоровский будет выжидать результатов переговоров Бека в Копенгагене и в зависимости от этого поедет в Берлин». Касательно Восточного пакта было сказано, что Польша не подпишет его «несмотря ни на какие обстоятельства», и процитированы слова Пилсудского, которые он якобы сказал Беку: «Пакт не подпишем ни при каких обстоятельствах».

Касательно сотрудничества с рейхсвером источник сообщал об опасениях Пилсудского, что Генеральный штаб рейхсвера может повернуть политику Гитлера на сближение с СССР. Однако вскоре в Варшаву пришло успокоение в связи с тем, что искоренением русофильской ориентации там занялись лично Гитлер и Геринг. «Влиятельных генералов и высших офицеров, имеющих восточную ориентацию, постепенно увольняют в отставку». Гитлер, в свою очередь, уверил Пилсудского, что советофилы из числа высших офицеров рейхсвера, в случае проявления какой-либо активности, будут безжалостно раздавлены, как генерал Шлейхер и

Рем¹⁴. По совету Пилсудского в Германии предполагалось организовать специальную комиссию по борьбе с просоветскими элементами, в состав которой должен был быть включен генерал Райхенау, «этот верный сторонник идеи создания франко-германо-польского блока и враг СССР» [28. Л. 31–50].

В донесении, датированном приблизительно весной 1935 г., агент сообщал, среди прочего, о декабрьском тайном визите министра Бека в Копенгаген и встрече с главой Английского банка М. Норманом, который обещал Германии и Польше выделить на антисоветскую интервенцию 500 млн долларов, треть из которых предназначалась Варшаве. Однако заем мог быть реализован лишь при условии реализации франко-германского сближения и в нем обязательно должен участвовать французский капитал.

Во время этой встречи Бек занял особую позицию: он соглашался во всем, за исключением момента начала интервенции, утверждая, что поляки лучше знают Россию, чем англичане. Он доказывал, что в Советском Союзе резко меняется политика и через два-три года страна неминуемо перейдет на рельсы национальной политики, которая родит патриотизм и воодушевление населения. Он предупреждал, что «Красная Армия превратится в национальную русскую армию, а следовательно, в этом случае может отпасть самый вопрос о разделе СССР на части, так как у Польши нет уверенности в том, что при этих условиях не только Франция, но и Германия откажутся от интервенции, так как мо-

гут быть заинтересованы в существовании сильной, единой России» [29. С. 22–30].

С учетом вышесказанного к концу апреля 1935 г. польско-германское военно-политическое сотрудничество осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, его воздушный аспект курировал рейхсмаршал Геринг, которому Гитлер лично поручил опеку над процессом создания так называемого польско-германского «воздушного пакта». С другой – полным ходом шло тайное сотрудничество между Главным штабом Войска Польского во главе с генералом Фабрыцы и Генеральным штабом рейхсвера во главе с генералом Райхенау, которое лично курировал маршал Пилсудский. Советское политическое руководство к весне 1935 г. обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы предпринять необходимые действия. Одним из его наиболее серьезных шагов стало предание 20 апреля широкой гласности секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., пятый пункт которого разрешал прохождение германских войск через польскую территорию. 2 мая состоялось подписание советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией [10. С. 211]. То, чего так опасался маршал Пилсудский и его единомышленники (советско-французский союз о взаимопомощи), стал реальностью, что в значительной степени дезавуировало внушительную часть усилий, потраченных нацистами и пилсудчиками на военно-политическое сотрудничество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1308 г. войска Тевтонского ордена изгнали оттуда все польское население и, несмотря на неоднократные попытки польских королей, пытавшихся, в частности, апеллировать к посредничеству Папы римского, Гданьск, или в немецком варианте Данциг, оставался под немецким влиянием до 1945 г. После победы Советского Союза над Германией по решению Потсдамской конференции 1945 г. Данциг стал Гданьском и был возвращен польскому народу.

² Хоругвь (в военном значении) – боевая единица, насчитывающая по разным оценкам от нескольких десятков до нескольких сотен воинов.

³ В период 1918–1922 гг. он был в Польше «человеком номер один» под титулом «начальник государства», в 1920 г. он согласился принять воинское звание «маршал».

⁴ «Прометеизм», среди прочего, предполагал всяческую поддержку II отделом российских эмигрантов – выходцев из Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, которые через агентуру в СССР должны были поднять мятеж с целью отпадения от Москвы.

⁵ Впоследствии период польской истории с мая 1926 по сентябрь 1939 г. получил название «режим санации».

⁶ Следует иметь в виду, что к тому моменту Пилсудский дважды использовал угрозу готовности применения военной силы: в июне 1932 г., когда в бухту Данцига несанкционированно проник польский эсминiec «Вихрь», у капитана которого был приказ открывать огонь в случае враждебных проявлений и в январе 1933 г., когда в данцигской бухте на полуострове Вестерплятте был высажен польский военный отряд.

⁷ Участок польской территории, вдоль р. Висла, обеспечивавший в соответствии с одним из 14 пунктов президента США Вильсона и Версальским договором выход Польши к морю, который был создан за счет бывшей германской территории.

⁸ Это соглашение, подписанное министрами иностранных дел Франции и Англии – П. Лавалем и сэром Д. Саймоном – предусматривало заключение так называемого воздушного пакта в рамках Локарно при условии возвращения Германии в Лигу наций. Гитлер возвращаться в Лигу не собирался и намеревался реализовать авиационное сотрудничество с Варшавой в «восточном направлении».

⁹ Андре Тардые – участник Первой мировой войны, помощник Жоржа Клемансо на Парижской конференции 1919 г. Трижды был премьер-министром. Вейган Максим – участник Первой мировой войны, с ноября 1917 г. член Высшего военного совета, а с марта 1918 г. – начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1920–1922 гг. – глава военной миссии в Польше по обучению и снабжению польской армии. В 1930–1935 гг. – начальник Генштаба, вице-президент Высшего военного совета, инспектор армии. В 1937 г. участвовал в фашистском движении кагуляров. Монтегю Норман – английский банкир, управляющий Банком Англии в 1920–1944 гг. Норман специально посетил Берлин в мае 1934 г., чтобы договориться о тайной финансовой поддержке гитлеровского режима. Фюрер ответил Норману любезностью, назначив его близкого друга Я. Шахта министром экономики и президентом «Рейхсбанка». Дуглас Хогг (лорд Хейлшем) – один из виднейших английских адвокатов 1920-х гг., в 1931–1935 гг. – лидер Палаты лордов, военный министр.

¹⁰ К тому моменту Генеральный штаб Войска Польского был переименован в Главный штаб.

¹¹ Казимеж Фабрыцы – дивизионный генерал, один из основателей «Союза стрелцов», соратник Пилсудского по легионам во время Первой мировой войны. В июне 1934 г. был назначен инспектором армии с резиденцией во Львове. На тот момент бригадный генерал. Януш Гонсиоровский – бригадный генерал, доверенное лицо Пилсудского. Во время Первой мировой войны воевал в армии Австро-Венгрии на российском фронте, в том числе в должностях командира взвода, батареи, адъютанта батареи. В конце 1916 г. дезертировал и вскоре оказался в рядах Польской военной организации. В 1931–1935 гг. – начальник Главного штаба ВП.

¹² Тадеуш Шетцель – во время Первой мировой войны воевал в Легионах польских Пилсудского и был вовлечен в разведывательную деятельность. Затем был заместителем руководителя Начальной комендатуры [№] 3 Польской военной организации в Киеве. В 1919 г. прикреплен к штабу Пилсудского, после чего возглавил сектор разведки против России во II отделе Генерального штаба. В 1924–1926 гг. служил в качестве военного атташе в Константинополе. В 1926–1929 гг. был начальником II отдела Генерального (с 1928 г. – Главного) штаба. В 1931–1934 гг. возглавлял Восточный отдел МИД. В 1934–1935 гг. отметился в качестве вице-директора политического департамента МИД. Роберт Клайв – британский дипломат. Учился в оксфордских колледжах Хейльбери и Магдален. Поступил на дипломатическую службу в 1902 г. Генеральный консул в Баварии в 1923–1924 гг., в Марокко – в 1924–1926 гг. В 1926–1931 гг. – посланник в Персии. В 1933–1934 гг. – посланник при Святом Престоле. Вошел в Тайный совет Великобритании в 1934 г. В 1934–1937 гг. – посол в Японии.

¹³ Вальтер Райхенау – участник Первой мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1930 г. – начальник штаба военного округа, в 1933–1935 гг. – начальник отдела в министерстве рейхсвера, активно участвовал в создании вермахта. Один из наиболее фанатично настроенных нацистов среди генералитета. 10 октября 1941 г. издал печально известный приказ «О поведении войск в восточном пространстве», где говорилось, что в обязанности солдата на востоке входит больше, чем обычные военные задачи. Задачей солдата является искоренение азиатского и еврейского влияния на Европу. Солдат – не только боец за идеи национал-социализма, но и мститель «за зверства» против немецкого народа. Приказывалось любой ценой и без оглядки на потери среди мирного населения подавлять партизанское движение и на месте уничтожать захваченных партизан. Запрещалось делиться продовольствием с местным населением. Приказ разрешал считать советскими агентами всех, кто отказывался активно сотрудничать с оккупационными войсками.

¹⁴ Генерал Шлейхер и Рем, как и значительное количество других тайных противников Гитлера, были физически уничтожены 30 июня 1934 г. в так называемую «ночь длинных ножей».

ЛИТЕРАТУРА

- Maciejewski M. Federacyjne koncepcje pilsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939 / pod red. Marszał M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009.
- История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. 3.
- Dziennik Ustaw. 1926. # 114. Poz. 662 // Internetowy system aktów prawnych. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (дата обращения: 27.06.2016).
- Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
- Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. W., 1998.
- Lipski J. Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich // Sprawy Międzynarodowe. 1947. № 3.
- Архив внешней политики РФ. Ф. «Референтура по Польше». Оп. 17. Д. 28. Папка 167-а.
- Le Temps. 1933.
- Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. 1. T. 2. P., 1966.
- Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
- Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934. Вып. VI.
- Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
- Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI.
- Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
- Михутина И.В. Советско-польские отношения. 1932–1935. М., 1977.
- Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 22. Оп. 1. 1934. Д-19, 1-а.
- Климовский Д.С. Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968.
- Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII.
- Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań, 1965.
- Дневник посла Додда. М., 1961.
- Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. II. Washington, 1951.
- Десятков С.Г. Уайтхолл – инициатор мюнхенской политики // Мюнхен – преддверие войны / под ред. В.К. Волкова. М., 1988.
- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 79 (микрофильм).
- Гудок. 1935.
- Diariusz i teki Jana Szembeka. Opracował T. Komarnicki. T. I. Londyn, 1964.
- Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. М., 1990.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
- РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188.
- Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики : сб. док. (1935–1945) / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.

Morozov Stanislav V. Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo state University (Novokuznetsk, Russia). E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru

TO THE QUESTION OF MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN POLAND AND GERMANY AGAINST THE USSR (1933–1935).

Keywords: Poland; Germany; the USSR; Pilsudski; preventive war; military-political cooperation; air-pact.

The aim of this paper is to study the Polish-German political and military cooperation against the Soviet Union during the 1933–1935 years, with the involvement of Soviet intelligence documents from the so-called “personal archive of I.V. Stalin”. Among other things, special attention is paid to the adventurous nature of the methods by which Marshal J. Pilsudski made Chancellor A. Hitler to include Poland in his “Eastern plans” for conquering “living space” (“Lebensraum”). Until the XVIII century Polish-German relations developed as the relations of ongoing military-political confrontation. After three partitions of Poland, Prussia, which became one of the states-separators permanently transformed the perception of the image of Germans as an enemy. Being for a long time in the three different states left an imprint on the historical fate of the Poles. During World War I Polish military units fought in the ranks of the Entente, and on the side of the Triple Alliance. After the rebirth of the Polish state in November 1918 the figure of Jozef Pilsudski came out on the first plan. He led the so-called Polish Legions as part of the Austro-Hungarian army during WWI, and he held the position as a “Head of State” until 1922. His cherished goal was to revive the Great Poland in the borders of 1772, to create a federation of satellite states and push Russia to the Urals. After the Locarno conference, which opened the way to the East for Germany, but at the same time has transformed Poland into its possible victim, Pilsudski in May 1926 made a coup and began to actually determine the foreign policy line of Poland alone. In December 1932, he decided to refocus Polish foreign policy from France to Germany. However, the new rulers of the German National Socialists did not want it. During the winter and spring of 1933, Pilsudski, bluffing threat of preventive war, forced

German Chancellor Hitler to include Poland in its plans to conquer Lebensraum in the East. After the ex-head of the Polish Ministry of Foreign Affairs E. Sapieha made it clear to Western politicians in late August 1933 that Poland is ready to participate in the campaign to the East, German Minister Neurath and Goebbels, the propaganda minister met with the Polish Minister Beck in late September. At the meeting they agreed upon community of Polish and German interests in the East. As a result of the ensuing Polish-German secret talks January 26, 1934 the Polish-German declaration on mutual non-aggression was concluded. Later it became clear that it was hiding a secret agreement on military and political cooperation. During 1934 – spring 1935 there has been a realization of the secret military and political cooperation. On the one hand, it was in charge of the air aspect of Reich Marshal Goering, Hitler personally ordered that custody of the process of creating the so-called “air pact”. On the other hand, full swing secret cooperation between the General Staff of the Polish Army led by General Fabrytys and Reichswehr General Staff headed by General Reichenau, it personally oversaw the Marshal Pilsudski. The second direction was able to light thanks to the so-called documents of “personal archive of I.V. Stalin” – the Soviet intelligence documents.

REFERENCES

- Maciejewski, M. (2009) Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej [Federated concepts at the dawn of the Second Republic]. In: Marszał, M. & Sadowski, M. (eds) *Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939* [The independent routes: Polish political thought and law in 1918–1939]. Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [The History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: OGIZ.
- Dziennik Ustaw*. (1926) 114. Poz. 662. [Online] Available from: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662>. (Accessed: 27th June 2016).
- Tabouis, J. (1960) *20 let diplomaticheskoy bor'by* [20 years of diplomatic struggle]. Translated from French by Yu. Belskiy, V. Egorov, V. Mukhin. Moscow: Grifon M.
- Kamiński, M.K. & Zacharias, M.J. (1998) *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939* [The foreign policy of the Polish Republic in 1918–1939]. Warsaw: Wydawn. LTW.
- Lipski, J. (1947) Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich [Polish-German relations in the light of the Nuremberg acts]. *Sprawy Międzynarodowe*. 3.
- The Russian Federation Archives of Foreign Policy*. Fund “Referentura po Pol'she”. List 17. File 28 (167-a).
- Le Temps*. (1933)
- Baumont, M. & Renouvin, P. (eds) (1966) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939* [French Diplomatic Documents 1932–1939]. 1(2).
- Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. Chto skryvalos' za politikoy “ravnoudalennosti” ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. What was behind the policy of “equidistance” by Minister Yu Beck]. Moscow: Moscow State University.
- Plotkin, M.A. (ed.) (1934) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i mezhdunarodnomu pravu* [A collection of documents on foreign policy and international law]. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs.
- The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1970) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 16. Moscow: Politizdat.
- Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in 1932–1938]. Poznań: Instytut Zachodni.
- Matveev, G.F. (2008) *Pilsudskiy* [Pilsudski]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya. 1932–1935* [Soviet-Polish relations. 1932–1935]. Moscow: Nauka.
- The Scientific Archives of the Institute of Russian History*. Fund 22. List 1. 1934. D-19.
- Klimovskiy, D.S. (1968) *Zloveshchiy pakt (Iz istorii germano-pol'skikh otnosheniy mezhvoennogo dvadtsatiletiya)* [The Sinister Pact (From the history of German-Polish relations of the two decades between wars)]. Minsk: Belarus State University.
- The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1971) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 17. Moscow: Politizdat.
- Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938* [Polish-German relations from 1933 to 1938]. Poznań: Instytut zachodni.
- Dodd, W. (1961) *Dnevnik posla Dodda* [Ambassador Dodd's Diary]. Translated from English by V. Machavariani, V. Khinkis. Moscow: Foreign Policy Library.
- US Department of State. (1951) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. II. Washington: U.S. Government Printing Office.
- Desyatskov, S.G. (1988) Uaytkholl – initsiator myunkhenskoy politiki [Whitehall – the initiator of the Munich policy]. In: Volkov, V.K. (eds) *Myunkhen – preddverie voyny* [Munich – on the eve of the war]. Moscow: Nauka.
- The Archives of Foreign Policy of the Russian Empire*. Fund 15. List 1. File 79.
- Gudok*. 1935.
- Komarnicki, T. (ed.) (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka* [The diary of J. Szembek]. Vol. I. London: Polish Research Centre.
- Nałęcz, D. & Nałęcz, T. (1990) *Yuzef Pilsudskiy – legendy i fakty* [Pilsudski – legends and facts]. Translated from Polish by V. Voronkov, V. Svetlov, V. Fedorenko. Moscow: Politicheskaya literatura.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 558. List 11. File 187.
- The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI)*. Fund 558. List 11. File 188.
- Sotskov, L.F. (ed.) (2009) *Sluzhba vneshney razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoy politiki (1935–1945)* [The Foreign Intelligence Service of Russia. The Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia. Secrets of Polish politics. (1935–1945)]. Moscow: Ripol.